

АСТРА ВРАНЕШ

ПУСТЫЕ

Астра Вранеш

Пустые

«Автор»

2026

Вранеш А.

Пустые / А. Вранеш — «Автор», 2026

Человек может умереть от болезни, яда, пули или старости. Но что делать, если он умер... от отсутствия содержимого собственного мозга? Судмедэксперт Марина Кост вскрывает тело за телом и находит невозможное. Идеально сохранённые нейроны. Никаких повреждений. Никакой причины смерти. Только пугающая пустота там, где должна быть человеческая личность. Следователь Дмитрий Вронский уже видел подобное раньше. Слишком много раз, чтобы верить в совпадения. Следы ведут в неприметный подвал в центре Москвы, где проводят эксперименты, которых не должно существовать. Где люди добровольно садятся в кресла и выходят из них уже не совсем людьми. Кто-то научился извлекать из человеческого мозга память, личность и самую суть человека. И самое страшное не то, что жертвы умирают. Самое страшное, что некоторые продолжают жить.

© Вранеш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Тело без причины	5
Глава вторая. Четвёртый	8
Глава третья. Нейробиолог	12
Гл	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Астра Вранеш

Пустые

Глава первая. Тело без причины

Тело Алексея Громова поступило в бюро в 6:14 утра.

Мужчина, 41 год. Найден в собственной квартире на Таганке — соседи вызвали скорую, когда он не открыл дверь три дня подряд. По документам — не пил, не курил, последние анализы полгода назад в норме. Причина смерти по первичному осмотру: не установлена.

Марина Кост вошла в секционный зал в 7:02, с кофе в одной руке и перчатками в другой.
— Что у нас? — сказала она, не здороваясь.

Санитар Петрович, который работал здесь двадцать лет и давно перестал обижаться, кивнул на стол:

— Загадка.

Марина посмотрела на тело.

С виду — ничего особенного. Мужчина средней комплекции, без видимых травм, без гематом. Кожа чистая. Лицо спокойное — слишком спокойное, как у людей, умерших во сне. Кроме одного: глаза были открыты. И в них не было страха.

В них не было ничего.

Марина отставила кофе.

— Начинаем.

Через два часа она стояла над раскрытой грудной клеткой и думала.

Сердце — норма. Лёгкие — норма. Печень — норма. Почки — норма. Желудок — пуст, что логично при трёхдневном лежании. Следов яда в крови — по первичному скринингу ноль. Никаких внутренних кровоизлияний, никаких тромбов, никаких очагов некроза.

Алексей Громов был мертвее некуда — и при этом биологически безупречен.

— Петрович, — позвала Марина.

— Да?

— Ты за двадцать лет видел что-нибудь похожее?

Петрович подошёл. Посмотрел на открытую грудь, на органы — целые, аккуратные, почти живого цвета.

— Нет, — сказал он. Помолчал. — Похоже на то, что просто — выключили.

— Выключили, — повторила Марина.

Она не любила в метафоры. Но метафора была точная.

Она взяла образцы мозговой ткани — три пробы, разные зоны. Поставила в холодильник с пометкой *приоритет*.

Потом сняла перчатки. Взяла кофе — уже холодный.

Выпила.

Результаты гистологии пришли на следующий день.

Марина читала их дважды. Потом позвонила в лабораторию.

— Подтвердите мне образцы Громова, — сказала она. — Я хочу убедиться, что это не ошибка маркировки.

Лаборантка подтвердила через десять минут: образцы правильные, результат правильный, повторный анализ даст то же самое.

Марина положила трубку.

Смотрела на распечатку.

Нейроны в образцах мозговой ткани Алексея Громова были структурно целыми. Оболочки — не повреждены. Синаптические связи — сохранены. Всё на месте.

За одним исключением: содержимое клеток отсутствовало.

Не некротизировалось. Не распалось. Не было следов апоптоза. Клетки были — как пустые коробки. Правильной формы, правильной структуры, правильно расположенные — и абсолютно пустые.

Как будто кто-то зашёл в мозг и аккуратно выгреб содержимое каждого нейрона.

Марина знала нейробиологию достаточно, чтобы понимать: это невозможно. Не биологически, не химически, не физически. Такого процесса не существует.

Она взяла ручку. Написала в карте: *причина смерти — не установлена. Требуется консультация невролога и нейробиолога.*

Потом, под чертой, добавила для себя — то, что в официальный документ не пойдёт:

Мозг пуст. Причины нет.

Следователь пришёл в три часа дня.

Марина его не ждала — дело Громова формально числилось как естественная смерть, следствие не возбуждалось. Но он пришёл сам, без звонка, и постучал в дверь секционного зала с таким видом, будто делал это каждый день.

— Кост? — спросил он.

— Она самая.

— Вронский. Дмитрий. — Он показал удостоверение — коротко, как показывают что-то само собой разумеющееся. — Вы направили запрос на нейробиологическую экспертизу по Громову.

— Направила. Это проблема?

— Нет. — Вронский вошёл в зал без приглашения. Огляделся — без брезгливости, без интереса, нейтрально. Человек, который видел разное. — Я занимаюсь делами с аномальными показателями смерти. Ваш запрос попал в нужный фильтр.

— Аномальными, — повторила Марина. — Вы так и называете?

— А вы?

— Я называю *необъяснимыми*. Это лучше.

Вронский посмотрел на неё — первый раз внимательно. Невысокий, темноволосый, с лёгкой щетиной и усталым взглядом человека, который давно перестал ожидать простых ответов.

— Покажите результаты гистологии, — сказал он.

— Почему я должна?

— Не должны. — Он пожал плечами. — Но вы подали запрос, значит — ищите консультацию. Я консультирую.

— Вы следователь.

— Я видел похожее раньше.

Марина смотрела на него.

— Похожее — как именно?

— Такое же. — Он смотрел на неё ровно. — Показывайте.

Она показала.

Вронский читал распечатку молча. Долго — дольше, чем нужно, чтобы прочитать страницу текста.

— Это третий случай за год, — сказал он наконец.

— Что?

— Третий. — Он отдал ей бумагу. — Первый — февраль, женщина пятидесяти двух лет, Измайлово. Второй — июнь, мужчина тридцати восьми, Бутово. Теперь — ваш.

— Вы работали с теми делами?

— Я их нашёл. Официально — естественная смерть в обоих случаях. Я нашёл по показателям.

— И что вы сделали?

— Пытался разобраться. — Пауза. — Пока — ничего.

Марина смотрела на него.

— Вы пришли потому что я нашла то же самое.

— Да.

— И что вы предлагаете?

— Пока — ничего. — Вронский взял со стола её ручку — без спроса — написал номер на краю её рабочего листа. — Когда получите нейробиологическую экспертизу — позвоните мне.

— Вы не спросили разрешения взять ручку.

— Нет. — Он положил ручку обратно. — До свидания, Кост.

Он ушёл.

Марина смотрела на номер телефона, написанный на её рабочем листе.

Потом — на распечатку с пустыми нейронами.

Третий случай.

Она убрала Громова в холодильник. Написала запрос в нейробиологический центр — срочный, с пометкой *уникальная патология*.

Потом вышла на улицу. Закурила — хотя пыталась бросить.

Ноябрьская Москва давила со всех сторон: серое небо, ранние сумерки, запах выхлопных газов и чего-то сгоревшего.

Три тела. Мозг без содержимого.

Такого процесса не существует.

Она докурила. Вернулась внутрь.

На её столе лежал новый запрос — поступивший, пока она курила. Тело. Только что. Улица Маросейка, мужчина тридцати одного года, найден утром, причина смерти не установлена.

Марина надела перчатки.

Четвёртый.

Глава вторая. Четвёртый

Четвёртым оказался Игорь Сальников, тридцать один год, программист.

Найден соседкой — та зашла утром за дрелью, дверь была не заперта, Сальников лежал в коридоре лицом вверх. Без следов борьбы. Без следов чего угодно. Просто — лежал.

Марина работала быстро. Она всегда работала быстро, когда чувствовала, что что-то не так — движение не давало думать слишком много.

Вскрытие показало то, что она уже знала.

Идеальное тело. Здоровые органы. И — она взяла образцы мозга не дожидаясь гистологии, просто посмотрела под микроскопом прямо здесь, прямо сейчас — пустые нейроны.

Пустые.

Она отошла от микроскопа. Сняла перчатки. Петрович смотрел на неё.

— Снова? — спросил он.

— Снова.

— Марина Сергеевна, — сказал он осторожно. — Может, стоит кому-нибудь сообщить.

— Вронскому уже сообщила фактом своего существования, — сказала Марина. — Он появился сам.

— Я не про Вронского.

— А про кого?

Петрович замолчал. Он был старым санитаром, а не героем, и не собирался договаривать.

— Займись документами, — сказала Марина.

Она взяла телефон. Набрала номер с краешка своего рабочего листа.

Вронский взял на первом гудке.

— Четвёртый, — сказала Марина. — Маросейка. Программист, тридцать один год. Та же картина.

Пауза — короткая.

— Когда поступил?

— Два часа назад.

— Вы ещё там?

— Да.

— Не уходите.

Он появился через сорок минут — не через час, через сорок минут, что означало: либо был рядом, либо ехал быстро. Марина не спрашивала.

— Покажите, — сказал он.

Она показала.

Вронский смотрел в микроскоп долго. Дольше, чем смотрела она. Когда отстранился — лицо было таким же, каким было всегда: ровным. Но что-то в нём изменилось — что-то за ровностью.

— Вы видели такое раньше, — сказала Марина. — Не только по документам. Вы видели своими глазами.

— Да.

— Когда?

— Год назад. — Он не смотрел на неё — смотрел на образец. — Мой коллега. Умер у себя дома. Я приехал первым.

Марина молчала.

— Вы поэтому занимаетесь этим, — сказала она.

— Да.

— И за год — ничего?

— За год — три тела и теперь четвёртое. — Вронский наконец посмотрел на неё. — И одна судмедэксперт, которая не закрыла дело как *неустановленная причина* и подала запрос на экспертизу.

— Это моя работа.

— Большинство ваших коллег закрыли бы.

— Большинство моих коллег меня не интересуют.

Вронский смотрел на неё секунду.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда работаем вместе.

— Я не сказала, что согласна.

— Нет. Но вы позвонили.

Это было справедливо. Марина не стала спорить.

Они просидели в её кабинете до девяти вечера.

Вронский разложил на её столе то, что собрал за год — не папку, не официальные материалы, просто фотографии и распечатки, которые носил с собой. Два предыдущих случая — женщина из Измайлово, мужчина из Бутово — плюс его коллега Андрей Семёнов, которого в официальную статистику не включили, потому что его вскрытие делал другой патолог и пустые нейроны никто не искал.

Итого — пятеро. Включая Сальникова.

Марина смотрела на фотографии.

— Связи между жертвами? — спросила она.

— Никаких очевидных. Разный возраст, разные районы, разные профессии. — Вронский указал на фотографию женщины из Измайлово. — Инна Воронова, 52 года, бухгалтер. Мужчина из Бутово. Тимур Газиев, 38 лет, водитель. Громов. Менеджер среднего звена. Сальников. Программист.

— Четверо. Пол разный, возраст разный, занятия разные.

— Да. Но есть кое-что. — Вронский достал карту. Простую, бумажную, с отметками от руки. — Все за последние две недели перед смертью были в центре. В пределах Садового кольца.

— Москва большая. Все бывают в центре.

— Не все бывают в одном квартале в одно и то же время. — Он положил палец на карту. — Вот здесь. Китай-город, Маросейка, Покровка. Трёхсотметровый радиус. Трое не жили там — просто были. А вот у Сальникова квартира как раз в этом месте.

Марина смотрела на карту.

— Это предположение или данные?

— Геолокация из телефонов. Официальным путём не получал — друг помог.

— Значит — в суде не используешь.

— В суде это дело ещё не существует.

Марина молча взяла карту. Смотрела на три точки — плотные, рядом.

— Что там? — спросила она. — В этом квартале.

— Я ходил. Смотрел. — Вронский помолчал. — Ничего особенного. Жилые дома, пара ресторанов, старая церковь, которая не работает, — закрыта на реставрацию уже три года. И вот это. — Он достал последнюю фотографию. — Подвальное помещение. Вывеска — *медицинский исследовательский центр*. Без названия. Без сайта. Просто вывеска и закрытая дверь.

— Ты проверял?

Он посмотрел на неё — первый раз на *ты*.

— Пытался, — сказал он. — Юридическое лицо есть. Лицензия есть — на проведение клинических исследований. Учредитель — офшор на Кипре. Дальше — стена.

— Кто-нибудь входил и выходил?

— Никого не видел. Но я не вёл наблюдение — некому, я один.

Марина смотрела на фотографию. Неприметная серая дверь, металлическая, в полуподвальном этаже старого дома. Над дверью — табличка, которую сложно прочесть с угла съёмки.

— Хочешь туда зайти, — сказала она.

— Да.

— Без санкции.

— Без санкции.

— Это должностное преступление.

— У тебя есть другое предложение?

Марина думала.

— Есть, — сказала она. — Сначала — я хочу посмотреть на место гибели Сальникова. Его квартиру. Сегодня ещё не закрыли?

— Пломба стоит, следственных действий официально нет.

— Тогда — сейчас.

— Сейчас десять вечера.

— Труп у меня в холодильнике до утра, — сказала Марина, вставая. — Ночь — рабочее время.

Вронский смотрел на неё.

Потом встал тоже.

Квартира Сальникова на Маросейке была маленькой и обычной: однушка, икея, стопки технической литературы, три монитора на столе. Марина ходила по ней с фонариком — свет решила не включать, незачем привлекать внимание.

— Что ищешь? — спросил Вронский.

— Не знаю. — Она остановилась у рабочего стола. — Что-нибудь, что не вписывается.

Ничего не вписывалось и одновременно всё было обычным. Марина прошла на кухню, в ванную, обратно в комнату.

Остановилась у окна.

Окно выходило во двор. Внизу — колодец двора, тёмный, с одним работающим фонарём. И прямо напротив — в доме через двор, на уровне полуподвала — серая металлическая дверь.

Та самая.

— Вронский, — позвала Марина.

Он подошёл. Встал рядом. Смотрел.

— Он видел её каждый день, — сказал он.

— Из своего окна — да.

Они стояли рядом в темноте и смотрели на дверь напротив.

Дверь была закрыта. Тихо. Никакого движения.

Потом — свет. Тонкая полоска под дверью, снизу — жёлтая. Мгновенная, как моргание. И погасла.

Там кто-то был.

— Видел? — сказала Марина тихо.

— Видел.

— Там работают ночью.

— Да.

Они стояли ещё секунду. Потом Марина отошла от окна.

— Завтра утром, — сказала она. — Ты берёшь на себя юридическое лицо — ищи, кто реальный владелец. Я беру нейробиолога — мне нужен кто-то, кто объяснит, как физически возможно то, что я вижу в этих нейронах. Вечером — посмотрим, что нашли.

— А дверь?

— Дверь никуда не денется.
— Может деться, — сказал Вронский.
— Тогда — завтра вечером. — Марина надела перчатки — не медицинские, зимние, на выход. — Ты водишь?
— Да.
— Подвезёшь до метро?
Пауза — небольшая.
— До метро не подвезу, — сказал Вронский. — А вот до твоего дома — да.
— Ты не знаешь, где я живу.
— Узнаю по дороге.
Марина смотрела на него в темноте.
— Наглость — это профессиональное?
— Вынужденное, — сказал Вронский. — Когда работаешь один — учишься брать то, что дают, не дожидаясь приглашения.
Они вышли из квартиры.
Во дворе Марина обернулась — на серую дверь. Та стояла закрытой, тёмной, как будто ничего не было.
Но свет был. Она видела.
Что-то там происходило ночью.
И пятеро людей с пустыми мозгами — все бывали в этом квартале.
Марина запомнила адрес.
Данные складывались в паттерн.
Она этого не любила — когда паттерн складывается слишком быстро, это обычно значит, что тебя ведут.

Глава третья. Нейробиолог

Профессора Льва Борисовича Каца Марина знала десять лет.

Они познакомились на конференции — он делал доклад про нейродегенеративные заболевания, она задала вопрос, который его разозлил. С тех пор — регулярная взаимная злость и уважение, что в академической среде называется дружбой.

Кац взял трубку в семь утра.

— Слушаю.

— Лев Борисович. Мне нужна консультация.

— Марина? Ты знаешь, сколько времени?

— Семь ноль две. Вы всегда встаёте в шесть.

— Это не повод.

— У меня четыре трупа с одинаковой гистологией. Нейроны морфологически целые, синаптические связи сохранены, но содержимое клеток отсутствует. — Пауза. — Скажите мне, как это возможно.

Долгое молчание.

— Пришли снимки, — сказал Кац наконец.

Она прислала. Он перезвонил через двадцать минут.

— Приезжай, — сказал он. Голос другой. — Прямо сейчас.

Лаборатория Каца располагалась в МГУ — четвёртый этаж биофака, кабинет в конце коридора с вечно закрытой жалюзи. Когда Марина вошла, профессор уже сидел над своим компьютером с тремя открытыми окнами и видом человека, который не спал с момента, как она позвонила.

— Закрой дверь, — сказал он.

Она закрыла.

— Откуда ты взяла эти образцы?

— С вскрытия.

— Это судмедэкспертиза?

— Да. Что не так?

— Не так то, — Кац развернул к ней монитор, — что я видел эти паттерны раньше. — На экране — микроснимки. Почти идентичные её. — Это не с трупа. Это с живого человека. Три года назад. Мой пациент — клинические испытания, экспериментальная нейростимуляция. Он пришёл с жалобами на потерю памяти. Я взял биоптат.

Марина смотрела на экран.

— Он выжил?

— Пропал, — сказал Кац. — Через неделю после того, как я взял образец. Просто не пришёл на следующий приём. Я пытался найти — ничего.

— Вы сообщали куда-нибудь?

— Куда? С какой формулировкой? — Кац смотрел на неё жёстко. — Пациент пропал. Этим занимается полиция. А вот образцы тканей с необъяснимой гистологией — Марина, такого нет в медицинской литературе. Такого процесса не описано. Я три года ищу аналоги — ничего.

— Значит, это не болезнь.

— Это не болезнь, которую мы знаем.

— А та, которую не знаем?

Кац помолчал.

— Гипотетически, — начал он, — чтобы опустошить нейрон без повреждения структуры, нужно избирательно извлечь содержимое — белки, ДНК, РНК, нейромедиаторы, всё метаболически активное вещество — не затронув мембрану. — Он поднял взгляд. — Это принципиально невозможно ни одним известным биологическим, химическим или физическим способом. Наши лучшие инструменты в нейрохирургии — всё равно что экскаватор рядом с тем, что сделано здесь.

— Значит, это сделано чем-то, чего мы не знаем.

— Значит, это сделано чем-то, чего не должно существовать.

Марина смотрела на снимки — его и свои. Одинаковые. До деталей.

— Ваш пациент — он проходил клинические испытания. Где?

— Частный медицинский центр. — Кац открыл папку. — Вот направление, которое он мне показал. — На бумаге — логотип и адрес.

Марина взяла бумагу.

Китай-город. Маросейка.

Полуподвал.

Она позвонила Вронскому с крыльца МГУ.

— Нашла центр, — сказала она. — Кац видел такие же нейроны три года назад. Пациент проходил там клинические испытания. Потом пропал.

— Значит, это началось раньше, чем мы думали.

— Да. Они давно работают. Просто раньше — не убивали. Или прятали лучше.

— Что поменялось?

— Не знаю. Темп. — Марина смотрела в серое утреннее небо. — Четыре трупа за год — это уже не осторожность. Это либо спешка, либо им всё равно.

— Или испытания вышли на новую фазу.

— Да. — Пауза. — Ты нашёл что-нибудь по юрилицу?

— Кое-что. Приезжай. — Голос его изменился — чуть-чуть, но Марина уже умела читать этот голос. — И Марина.

— Что?

— Ты сегодня ела?

— Нет.

— Это было второе, что я собирался сказать. Приезжай — и по дороге купи что-нибудь. У меня ничего нет.

— Почему я должна привозить еду?

— Потому что я нашёл больше, чем ожидал, и нам понадобятся силы.

Она купила сэндвичи в ближайшей пекарне — два, без спроса. Один с курицей, один с сыром.

Вронский взял с курицей. Молча.

Она не сказала, что тоже хотела с курицей.

Вронский снимал однокомнатную квартиру на Чистых прудах — Марина зашла и поняла, что это не квартира, а штаб. Одна стена от пола до потолка была занята распечатками, фотографиями, схемами и нитями — теми самыми, которые в кино смотрятся как параноидальный бред, а в реальности называются *структурирование информации*.

— Впечатляет, — сказала она.

— Полтора года работы. — Вронский стоял у стены. — Смотри. Юрилицо — ООО *Neiросеть Плюс*, учредитель — кипрский офшор *Vektor Holdings*. *Vektor*в свою очередь принадлежит трём физическим лицам, двое — подставные, третий...

Он показал на фотографию в центре стены.

Марина подошла ближе.

Мужчина лет пятидесяти. Фотография размытая — снята издалека. Лицо сложно разглядеть.

— Кто это?

— Я называю его Архитектором, — сказал Вронский. — Настоящего имени пока не знаю. Он появляется в трёх компаниях в разных юрисдикциях — всегда третьим учредителем, всегда с минимальной долей, всегда через офшор. Его не существует официально, но он везде.

— Что за компании?

— Биотех, фармацевтика, нейронауки. Всё на границе легального. — Вронский сел на стул. — Но вот что интересно. Все три компании прекращали деятельность через два-три года после основания. Исчезали. Без скандала, без долгов — просто закрывались. — Пауза. — И через несколько лет появлялась новая. В другом городе. С другим названием. С теми же паттернами.

— Он переезжает, — сказала Марина.

— Регулярно. — Вронский встал, взял нить, протянул от фотографии Архитектора к карте. — Берлин, 2015. Вена, 2017. Варшава, 2019. Москва — с 2021-го.

— И трупы в каждом городе?

— Трупы везде, где он работал, — да. Я не могу это доказать — разные юрисдикции, разные системы. Но паттерн гистологии... — Он открыл папку. — В Берлине была публикация в медицинском журнале — единственная. Немецкий нейробиолог описал три случая *необъяснимой нейронной аутолизии*. Статью отозвали через месяц после публикации.

— Отозвали?

— Официально — ошибка в методологии. Неофициально — автор отказался от своих выводов. — Пауза. — Три месяца спустя тот нейробиолог умер. Инфаркт.

Марина стояла и смотрела на стену.

Берлин, Вена, Варшава, Москва.

Пустые нейроны. Пропавший пациент Каца. Подвальный центр с металлической дверью и ночным светом.

— Что он делает с ними? — сказала она. — С мозгом. Что он извлекает?

— Я не знаю. — Вронский смотрел на неё. — Это твоя часть. Ты понимаешь ткани. Я понимаю преступников. Мне нужно, чтобы ты объяснила мне, что физически происходит с этими людьми.

— Я не могу объяснить то, что невозможно.

— Попробуй.

Марина смотрела на фотографии трупов. Пятеро. Идеальные тела, пустые головы.

— Они не умирали в страхе, — сказала она медленно. — Лица спокойные. Это значит — либо не понимали, что происходит, либо потеряли способность бояться до того, как умерли. — Пауза. — Нейроны пустые, но структурно целые. Это не деградация, не воспаление, не токсичное воздействие — всё это оставляет следы разрушения. Здесь — ничего. Значит, процесс управляемый. Кто-то умеет извлекать нейронное содержимое так, чтобы не повредить оболочку.

— Зачем? — спросил Вронский. — Зачем нужно нейронное содержимое?

Марина открыла рот — и закрыла.

Потому что ответ, который первым пришёл в голову, был абсурдным.

— Что? — сказал Вронский.

— Нет.

— Говори.

— Это звучит как научная фантастика.

— Говори.

Марина смотрела на стену.

— Нейронное содержимое — это не просто белки и ДНК. Это — паттерны. Синаптические связи, химические следы, электрические паттерны активации. — Пауза. — Это личность человека. Буквально. Его память, его навыки, его способ мышления — всё это закодировано в том, что находится внутри нейронов и между ними.

— И если это извлечь...

— Теоретически — можно получить копию личности. — Марина закрыла глаза на секунду. — Это невозможно с нашими технологиями. На несколько десятилетий вперёд невозможно — слишком сложно, слишком много данных, слишком тонко.

— С нашими технологиями, — повторил Вронский.

Пауза.

Они смотрели друг на друга.

— Он не человек? — спросил Вронский тихо.

— Я не это сказала.

— Но ты это подумала.

Марина молчала.

— Я судмедэксперт, — сказала она наконец. — Я работаю с данными. У меня есть пять трупов, необъяснимая гистология и подозрительный подвальный центр. — Пауза. — Больше у меня ничего нет.

— Пока, — сказал Вронский.

— Пока.

Он встал. Подошёл к окну. Смотрел во двор.

— Сегодня ночью, — сказал он, не оборачиваясь. — Я иду к той двери.

— Один?

— Если ты не пойдёшь.

Марина смотрела на его спину. На стену с нитями. На фотографию Архитектора — размытую, неразличимую.

Берлин, Вена, Варшава, Москва.

Нейробиолог, написавший статью и умерший от инфаркта.

Пропавший пациент Каца.

Петрович, который не договорил — *стоит сообщить*.

— В котором часу? — спросила Марина.

Вронский обернулся.

— Полночь, — сказал он.

— Хорошо.

Она взяла сэндвич. Откусила.

— Что нам нужно взять? — спросила она с набитым ртом.

— Фонарик. Перчатки. — Вронский думал. — И — желательно — что-нибудь, чем можно ударить.

— У меня в машине есть молоток.

— Подойдёт.

Марина кивнула.

За окном Москва жила своей жизнью — серая, ноябрьская, равнодушная.

Под Китай-городом — серая дверь.

И что-то за ней, что умело опустошать людей изнутри.

Полночь.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.